

ОГУЗЫ-ТОРКИ НА ЗЕМЛЯХ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

В период между падением Хазарского каганата во второй половине X в. и первым появлением монголов в степях Восточной Европы в начале XIII в. в степи и лесостепи Украинского Левобережья обитали огузы, известные в древнерусских летописях как “торки”. Как известно, племена огузов представляли собой предков малоазийских турок, азербайджанцев, туркмен и некоторых других тюркоязычных этносов. Начало этногенеза этих народов имеет непосредственное отношение к миграциям огузских племен, которые имели место в конце X–XI вв. Это коснулось непосредственно также и территории современной Украины. В современной науке возобладало мнение, согласно которому первые огузские переселенцы появились в причерноморских степях лишь в начале XI в. Тогда же, по мнению многих современных историков, и завершился раскол основного массива огузских племен, в результате которого значительная часть огузов мигрировала из Средней Азии через Иранское нагорье в Малую Азию, что в конечном итоге привело к образованию во второй половине XI в. новой империи – Сельджукского султаната. Другая же часть огузов направилась из Прикаспия в южнорусские степи, где они стали известны в древнерусских летописях под названием *торки*. Относительно происхождения данного этнонима существует несколько гипотез, наиболее популярной из которых является та, согласно которой древнерусское название *торк* произошло от самоназвания огузских племен – *тюрк* [Баскаков 1985, 59–60]. У мусульманских же авторов эти племена были известны как *гузы*, а в византийских источниках – как *узы*. Существует мнение, что эти торки-огузы вытеснили из Северного Причерноморья печенегов. Причину такого грандиозного передвижения огузских племен современные исследователи связывают с давлением куманов-половцев с востока на своих западных соседей-огузов.

О.И. Прицак считал, что миграции огузов начались после 1043 г., когда кипчаки вышли на территорию государства Ябгу

огузских туркмен, которое находилось на восток от Волги. Это привело к тому, что огузы появились на востоке Печенежской степи в 1054 г. и их авангард дошел до земель Переяславского княжества. С того времени огузы-торки стали активными участниками событий, происходивших в Южной Руси. Случилось так, что часть торков осела на Правобережье под Киевом и стала известна на Руси под именем “черные клобуки”. Другая часть огузов-торков, спасаясь от давления кипчаков-половцев, ушла на Дунай и попала на земли Византийской империи, где они очень скоро стали активными участниками событий на Балканах и в Малой Азии [Прицак 2008, 31–32]. Таким образом, на территории Украины поселились осколки тех тюркских племен, которые создали Сельджукский султанат.

Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что наиболее изученными оказались торки Правобережья Украины, несмотря на то, что они появились здесь позже, чем на Левобережье. Сам перечень работ, посвященных правобережным “черным клобукам”, занял бы немало страниц. В то же время о торках Левобережья было написано очень мало. При этом еще более ста лет назад появились специальные статьи А.В. Стороженко [Стороженко 1900], В.Г. Ляскоронского [Ляскоронский 1905], посвященные переяславским торкам. Однако за прошедшие сто лет так и не было написано специальной обобщающей работы, посвященной торкам не только Переяславской земли, но и всего Левобережья. До сих пор не ясно, когда же огузы-торки впервые появились на землях Левобережной Украины; также точно не известны места их пребывания как на землях Переяславского и Черниговского княжеств, так и в степи накануне и во время половецкой экспансии. Кажется, что решить данные вопросы поможет сопоставительный анализ сведений древнерусских летописей с данными археологии и топонимии. Предложенная на рассмотрение читателей статья как раз и призвана ответить на возникшие вопросы.

Весьма примечательно, что первое упо-

минание в “торках” о древнерусских летописях относится уже к 985 г.: “Иде Володимер на болгары с Добрынею, уем своим, в лодях, а торки берегом приведе на коних, и так победи болгары” [ПВЛ 1950, 59]. Существует мнение, что в данном случае упомянуты кочевые племена степей Днепровско-Донского междуречья. Так, А.П. Новосельцев считал, что киевский князь совершил нападение на приазовских болгар, а не на волжских [Новосельцев 1990, 227]. Если в этом сообщении речь идет о приазовских болгарях, то выходит, что торки-огузы должны были проживать в непосредственной близости от них. В приазовских болгарях исследователи склонны видеть, прежде всего, “черных болгар”, о которых упоминает “Повесть временных лет” и Константин Багрянородный. С.А. Ромашов, который специально занимался вопросом локализации “Черной Болгарии”, считал, что она находилась в Восточном Приазовье [Ромашов 1993, 63–68]. Однако анализ источников позволяет усомниться в этом. Ибо такой вывод не согласуется с данными “Повести временных лет”, где содержится текст договора киевского князя Игоря с византийцами от 945 г. Там о “черных болгарях” сказано следующее: “А о сих, иже приходят Чернии Болгаре, и воюють въ стране Корсуньский, и велим князю Рускому да их не пуцаеть и пакостять стороне его” [ПВЛ 1990, 74–75]. Если исходить из локализации “черных болгар” в Восточном Приазовье, то не понятно, как мог киевский князь преграждать им путь в их продвижении на Херсон, если значительной преградой для “черных болгар” должен был быть Керченский пролив. Сообщение Константина Багрянородного также говорит не в пользу локализации “черных болгар” в Восточном Приазовье. В середине X в. византийский автор в своем трактате “Об управлении империей” указывал, что на север от Азовского моря находится река Днепр, “от которой росы продвигаются и к Черной Болгарии, и к Хазарии, и к Мордии” [Константин 1991, 175]. Если исходить из распространенного мнения, что в X в. западные границы Хазарского каганата проходили по нижнему течению Дона и вдоль течения Северского Донца, то есть основания считать, что “черные болгары” должны были проживать в степях между Днепром и Доном, т.е. в Северном Приазовье, откуда им было удобно

через Перекоп вторгаться в Крым, где находился Херсон (Корсунь). Следовательно, уже в 985 г. торки должны были находиться именно в этом районе.

Известно также, что еще во второй половине XI в. не все торки ушли из степей Северного Приазовья, а их часть вошла как составная часть в объединение придонско-приазовских половцев. Это подтверждают данные “Повести временных лет”, где сообщается, что в 1103 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах после княжеского съезда в Долобске совершают поход в низовье Днепра, до острова Хортица: “И поидоша на коних и в ладьях, и придоша ниже порогъ, и сташа в Протокох в Хортичем острове”. Далее древнерусское войско пошло пешком и конным строем и достигло реки Сутин: “И вседоша на коне, и пешеци из лодей выседавшя идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутинь”. В результате четко спланированной военной акции древнерусские войска одержали победу над половцами и их союзниками. Русью была захвачена большая добыча и большое количество пленных, среди которых были “Печенеги и Торки с вежами” [ПВЛ 1990, 427–433]. Нет сомнений в том, что плененные торки и печенеги были поселены древнерусскими князьями на южных границах Руси для отражения нападений половцев. Кроме того, еще несколько десятилетий назад К.З. Кудряшов установил, что название упомянутой в летописи реки “Сутинь” происходит от тюркского слова *сют* – “молоко”, что вполне соотносимо с названием реки Молочная, которая протекает недалеко от современного Мелитополя, т.е. в районе Северного Приазовья [Кудряшов 1948, 93–95].

Имеются также наблюдения лингвистического характера, свидетельствующие о пребывании торков в районе Северного Приазовья в конце XII в. Так, в “Слове о полку Игореве” в перечне этнических названий Восточной Европы рядом с названием “Половци” упомянут этноним “Деремела”. В свое время О.И. Прицак высказал предположение, согласно которому под названием *Деремела* следует видеть обозначение для бродников древнерусских летописей, что, по его мнению, в основе своей происходит от согдийского термина *tār-band* – “переправа, брод” [Прицак

1965, 82–92]. По мнению О.И. Прицака, “загадочное Деремела Слова определяется как Торкское обозначение для Бродников” [Прицак 1965, 92]. В данной ситуации не следует забывать, что торки наших летописей – это потомки тех огузов, которые до начала XI в., то есть более ста лет, находились в районе Средней Азии и потому имели довольно тесные контакты с местным ираноязычным населением, среди которого были и согдийцы. Таким образом, огузы могли позаимствовать от местных аборигенов уже готовый термин для обозначения переправы через реку. При этом следует учитывать, что во второй половине XII в. торки были ближайшей тюркоязычной группой к восточным славянам, если принимать во внимание их нахождение на южных рубежах Руси. По наблюдениям О.И. Прицака, в основу термина *Деремела* было положено старое согдийское слово *tār-*, имеющее значение “брод, переправа”. Тем не менее, как отмечает исследователь, “можно ожидать, что и в нашей степи, кроме восточной формы **tar* (в языке Половцев, носителей восточнотюркских диалектов...), должна быть отражена западная форма, а именно в языке Торков, в западной части степи, куда их вытеснили Половцы. Она звучала бы: **dār-*” [Прицак 1965, 91]. В окончательном виде О.И. Прицак склонен был видеть образование термина *Деремела* следующим образом: “От согд. *dārmān* ‘брод’ форма для определения происхождения лиц совершалась через придание одного из коллективных суффиксов, напр. /l/, ведь **Dārmāl* в языке Торков должен был иметь значение ‘человек (люди) с брода’, т.е. Бродник(и)... В XI в. закон полногласия был действующим на Руси, тюркское **dārmāl* воспринималось как Деремел-а. В древнерусском языке отличался большой продуктивностью коллективный суффикс *-a* для определения племенной принадлежности: Муром-а, Мещер-а, Корѣл-а, Угр-а, Печер-а и т.д. Очевидно, названный суффикс отмечается также и в названии Деремел-а” [Прицак 1965, 91–92]. Таким образом, если после похода князя Игоря в Половецкую степь, в 1185 г., торкский вариант этнического термина попал на Русь, то не может быть сомнений в том, что часть торков находилась еще тогда в степи под властью одного из ханов приазовско-донецких половцев. В связи с этим необ-

ходимо подтверждение этого факта и со стороны других источников – археологических, топонимических и т. п.

К сожалению, в археологическом аспекте торки земель Левобережной Украины так и остаются малоизученными. Причину этого следует искать не только в противоречивых свидетельствах древнерусских летописей о местах нахождения левобережных торков, но и в сложности интерпретации кочевнических древностей предмонгольского времени. Кажется, что в данной ситуации может являться наиболее приемлемым сопоставительный анализ археологического материала не только со свидетельствами письменных источников, но и с данными топонимии и гидронимии, ибо память о торках до сих пор сохранилась в названиях на местности. Если торки продолжительное время жили в степи и лесостепи, то они должны были оставить после себя не только географические названия, но и памятники материальной культуры. Следовательно, очень важна правильная локализация отдельных торческих родо-племенных групп на землях Украинского Левобережья.

В первой половине X в. Ибн Фадлан оставил нам описание похорон знатного гуза, что помогает археологам выделить собственно огузские погребения среди захоронений других кочевников. По данным Ибн Фадлана, умершего гуза хоронили с вещами в могильной яме, над которой устраивали деревянное перекрытие. Арабский путешественник сообщает, что во время похорон могли убить от одной до нескольких сотен лошадей, а шкуры убитых животных растягивали на деревянном перекрытии над могильной ямой. Над всем этим насыпался из земли курган. Кроме того, Ибн Фадлан упомянул об одной очень интересной черте погребального обряда гузов: “Если же он (покойник. – О.Б.) когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубают изображение из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю»” [Ковалевский 1956, 128–129].

В соответствии с описанием Ибн Фадлана погребения гуза и результатами археологических раскопок российский археолог В.А. Иванов выделил отдельно огузские погребения в курганах кочевников, датированных началом X в. На западе они бы-

ли сосредоточены вдоль нижнего течения Волги и северо-восточного побережья Каспийского моря, на севере – в бассейне рек Большой и Малый Узень. Восточные и южные границы владений огузов В.А. Ивановым не были выделены достаточно четко [Иванов 1995–1996, 86–87]. Это можно объяснить тем, что в первой половине X в. этнополитическая ситуация в Восточном Туркестане и на границах с Саманидским государством отличалась нестабильностью. Тем не менее В.А. Иванов отметил на левом берегу Северского Донца несколько подкурганых захоронений (рис. 1), соотносимых им с огузами, которые несколько нарушают общую картину и позволяют отметить появление огузов на Украинском Левобережье уже в первой половине X в. Так, 3 погребения “огузского типа” были отмечены им в среднем течении Северского Донца близ сел Юрьевка, Новалинка и Щуркино Поле. В верхнем течении В.А. Иванов выделил погребение возле с. Гаевка [Иванов 1995–1996, 90, рис. 1].

Что же касается вопроса атрибуции древностей торков в Северном Причерноморье в послехазарский период, то это представляет отдельную проблему, так как погребальный обряд торков мог испытать трансформацию в результате включения в состав племенных объединений огузов-торков отдельных родовых групп из среды предшествующего печенежского и салтовского населения. С.А. Плетнева считала, что торки находились на территории степной Украины непродолжительный период в начале XI ст. и потому оставили после себя очень небольшое количество погребальных комплексов. При этом она выделила в степях Северного Причерноморья немногочисленные курганы торков, которым были присущие следующие черты (рис. 2): погребения осуществлялись под небольшими земляными насыпями; одиночные погребения в довольно глубоких ямах; наличие женских погребений; размещение головы и ног коня не рядом с покойником, а на приступке или над погребенным в засыпке могилы, на середине глубины; в тех случаях, если покойника хоронили без коня, могильная яма, как правило, имела маленькие приступки с обеих сторон для сооружения перекрытия [Плетнева 1981, 213, 218].

Кроме того, на основе анализа материалов из кочевнического курганного могиль-

ника близ Саркела С.А. Плетнева связала с торками следующие черты: под каждой насыпью в неглубокой могиле был похоронен на спине с руками вдоль туловища, ориентированный головой на юго-запад, один умерший; остатки коня клали выше покойника – на приступке или прямо над умершим; удила были двухсоставные, с перегибом; антропологический тип погребенных – монголоиды южносибирского типа [Плетнева 2006, 245].

Общеизвестно, что в 40-х гг. XII в. в Поросье возникло объединение “черных клобуков”, основу которого составили торки-огузы. В пользу преобладания торческого компонента в Поросье может свидетельствовать, например, существование в этом районе города Торческа (Торцьк, Торцьскь), первое упоминание о котором относится к 1093 г.

Весьма характерно, что обнаруженные в Поросье черноклобуцкие погребения практически не несут черты, описанные Ибн Фадланом. Исследования Н.Е. Бранденбурга и С.А. Плетневой свидетельствуют о традиции “черных клобуков” совершать как подкурганые, так и впускные в курганные насыпи предыдущих эпох захоронения в могильных ямах, где покойников обычно помещали либо в деревянные гробы, либо в саркофаги-колоды. Рядом обычно клали не только инвентарь, но и чучело коня, представленное взнузданной головой и костями ног (рис. 3). Исследователи считают, что со временем погребальный обряд торков мог испытать трансформацию, как следствие включения в состав племенных объединений огузов-торков отдельных родовых групп из среды предшествующего печенежского и салтовского населения [Плетнева 1973]. Тем не менее такие погребения XI–XII вв. на землях Левобережной Украины, в первую очередь на территории Переяславского княжества, так и не зафиксированы исследователями.

Однако существует в Северном Причерноморье район, где встречаются подкурганые захоронения кочевников послехазарского времени, которые почти полностью отвечают описанию погребения гуза, описанного Ибн Фадланом. Речь идет о бассейне среднего течения Северского Донца.

Здесь еще столетие тому назад, на юге Харьковской губернии, на правом берегу

Северского Донца, возле сел Торское (!) и Марченки, Е.П. Трефилюевым и В.А. Городцовым были обнаружены в курганах, по крайней мере, три погребения кочевников, находящихся аналогии в описании Ибн Фадлана. Похороненные здесь под курганной насыпью кочевники находились в ямах, перекрытых сверху деревянным настилом, сверху которого лежали кости коня, а в одном случае еще и кости телят, овец и коровы. Покойники были положены головой на запад и сопровождалась набором вещей, что могло указывать на их зажиточность. Наибольший интерес представляет наиболее богатое погребение (курган № 27, погребение 1), обнаруженное возле хут. Марченки (рис. 4). Оно произведено в насыпи большого земляного кургана, высота которого около 1,8 м. На специальном настиле над могилой было положено 6 телят. Здесь же находились голова и ноги коня, расположенные в анатомическом порядке. Гроб с покойником, ориентированный головой на запад, находился в глубокой и широкой могиле. Слева от гроба стоял глиняный горшок. Погребенный был мужчиной-воином. Об этом могут свидетельствовать обнаруженные рядом с ним сабля и колчан со стрелами. Лошадиная сбруя, представленная удилами и стремянами, была обнаружена рядом с останками коня, т.е. на перекрытии. Кроме того, возле ног и головы покойника были поставлены вырезанные из дерева фигурки людей, которые изображали, очевидно, убитых им врагов, что фактически в деталях совпадает с информацией Ибн Фадлана. Что же касается двух других погребений, то они были более просты. Там над могилой на настиле находились только кости коня, а деревянные статуэтки и вовсе отсутствовали [Плетнева 1958, 161–162]. Пожалуй, нет сомнений в том, что эти захоронения можно соотнести с торками-огузами.

О пребывании торков именно в среднем течении Северского Донца могут свидетельствовать не только раскопки курганов, но и многочисленные топонимы и гидронимы: реки *Тор (Большой Тор, Казенный Торец), Сухой Торец, Кривой Торец*, село *Торское* на реке Жеребец, поселок *Торский* и *Торецкий* на реке Казенный Торец, *Торское городище* возле города Славянска (рис. 5). Довольно характерно, что большинство этих гидронимов и топонимов сосредоточены на правобе-

режье Северского Донца [Шрамко 1962, 321–322]. Таким образом, в данном районе “торческих” топонимов и гидронимов не меньше, чем в Поросье.

Сохранение до настоящего времени в бассейне Северского Донца этих названий, а также отдельные захоронения кочевников торческо-половецкого времени могут свидетельствовать о том, что огузско-торческое население находилось в этом районе довольно продолжительное время и могло сохраняться здесь и в половецкий период. По крайней мере, данные древнерусских летописей позволяют считать, что во второй половине XI в. не все торки ушли из степей Северного Приазовья, а вошли в состав племенных объединений донецко-приазовских половцев.

* * *

Кроме того, торки-огузы сыграли заметную роль в жизни Переяславского княжества. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что древнерусскими летописями торки упоминались как участники событий на землях Переяславского княжества под 1055, 1060, 1080, 1095, 1125 гг. Характерно, что первое появление торков на границах с Русью отмечено древнерусскими летописями как раз в районе Переяслава под 1055 г. Вот как Лаврентьевская летопись описывает это событие: “Пришед Изяслав седе Киеве, Стослав Чернигове, Всеволод Переяслави, Игорь Володимери, Вячеслав Смоленске. В се же лето иде Всеволод на Торкы [зиме к Воиню] и победи Торки. В семь же лет приходи Болушь с Половци и створи Всеволод мир с ними и возвратишася [Половци] вспять онюду же пришли...” [Лаврентьевская... 1926–1928, 114]. Аналогично данное событие описано в Ипатьевской [Ипатьевская... 1908, 106], Радзивилловской [Радзивилловская... 1989, 69] и в некоторых других летописях.

Во второй раз Переяславское княжество подверглось нападению торков, по данным древнерусских летописей, в 1060 г. Лаврентьевская летопись описывает это событие следующим образом: “Изяслав и Стослав, и Всеволод, и Всеслав совокупиша вои бещислены [и] поидоша на коних и в лодях бещислено множество на Торкы. Се слышавше Торци оубояшася пробегоша и до сего дне и помроша бегаючи. Божим гневом гоними ови о зимы друзии же гла-

дом. Ини же мором и судом Божим. Тако Бъ избави христианы от поганых...” [Лаврентьевская... 1926–1928, 115]. Аналогично данное событие описано в Ипатьевской [Ипатьевская... 1908, 106] и в других летописях. Весьма характерно, что в Радзивилловской летописи именно в данном фрагменте торки названы “турками”: “Всеслав совокупиша вои бесчислены [и] поидоша на коних и в лодьях бесчисленное множество на туркы. Се слышавше турции убяшася, и пробегоша и до сего дне, и помроша бегающе, божьим гневом гоними, ови от зимы, а друзии гладом, инии же мором и судом божьим. И тако избави бог христьян от поганых...” [Радзивилловская... 1989, 69]. В данном случае это подтверждает то мнение исследователей, что известное в древнерусских летописях название огузов *торки* является производным от их самоназвания – *тюрк*.

Характерно, что нападения торков на Переяславское княжество продолжались и до 1080 г. Лаврентьевская летопись об этом сообщает: “Заратиша Торци Переяславстии на Русь Всеволод на Русь. Всеволод же посла на не сна своего Володимера. Володимер же шед победы Търки...” [Лаврентьевская... 1926–1928, 143]. Данное событие зафиксировано и в других летописях [Ипатьевская... 1908, 136; Радзивилловская... 1989, 83; Воскресенская... 1856, 3].

Однако уже в 1095 г. торки стали выступать как союзники Переяславского князя Владимира. По данным летописей, в этом году на Переяслав напали половецкие ханы Кытан и Итлар и в результате этого сын переяславского князя Святослав попал в плен к половцам. Последствия этого нападения половцев Лаврентьевская летопись описывает следующим образом: “И в ту ночь посла Володимер Славяту с неколикою дружиною и с Торки межи валы. И выкрадаша первое С[вя]тослава. Потом оубиша Кытана и дружину его избиша вечеру суццю тогда суботному. А Итлареви в ту ночь лежащю оу Ратибора на дворе с дружиною своею и не ведуче что ся над Кытаном створи. Наутрия яже в неделю заутрени суще године пристрой Ратибор отроки в оружьи...” [Лаврентьевская... 1926–1928, 159]. Эти же события отражены в Ипатьевской [Ипатьевская... 1908, 152], Радзивилловской [Радзивилловская... 1989, 90] и других летописях.

Вот как В.Я. Ляскоронский прокоммен-

тировал эти свидетельства древнерусских летописей: “...Всеволод Ярославич уже в первое лето своего княжения в Переяславе должен был предпринять поход на торков, которые в это время отчаянно боролись с новыми пришельцами в степи с востока – половцами. Уступая половцам, торки бросают свои степные угодья и двигаются только на запад, приближаясь все больше и больше к юго-восточным окраинам Руси. Очутившись близ границ Переяславской земли, торки пытаются овладеть здесь степными местами, расположенными близ Днепра. Без сомнения, появление торков на границе Переяславской земли было неприятно князю последней... После заключения мира с половцами прошло несколько лет, по-видимому, без нападений со стороны кочевников на Русскую землю. В это время в степях шла ожесточенная борьба между торками и половцами; торки были сломлены. В 1060-м году, уходя от половцев, торки пытаются проникнуть в пределы Переяславского княжества. Всеволод Ярославич, занятый охраною своих юго-восточных границ, был испуган этим торческим нашествием, он решает отразить степняков... Поход был удачен: застигнутые врасплох торки потерпели страшное поражение... Нельзя сказать, чтобы торки были окончательно истреблены и совершенно ушли из Русской земли; после погрома часть торков действительно удалась на Дунай; но другие остались в русских пределах и послужили... источником вражды между русскими и половцами...” [Ляскоронский 1903, 240–241].

Уже при описании событий 1125 г. древнерусские летописи упоминают постоянную резиденцию переяславских торков – *Баруч*. Однако установить его точное местонахождение весьма трудно, ибо существуют расхождения в тексте летописей. Так, Лаврентьевская летопись о нашествии половцев на владения переяславского князя Ярополка в 1125 г., после смерти киевского князя Владимира, сообщает следующее: “Потом же оуслышавше Половци яко умерл ест Володимер князь, присунушася вборзе, и наворопиша изгоно к Барочю и ко Бронь князю. Хотящю полонити торкы проклятыя и с теми повоевати Русску землю. Но Бог в изуменье положи совесть их, и не успеха ничтоже. Ярополку бо весть бысть, и выгна Торкы в город тое ночи...”

В результате половцы были разбиты [Лаврентьевская... 1926–1928, 204].

Ипатьевская же летопись подает несколько в ином ракурсе последовательность этих событий и относит их к 1126 г.: “Слышавше же ее врази Половци смерть Володимерю, присунушася к Баручю, рекше: возмем Торки их. Бе же весть Ярополку, и повеле гнати люди и Торки в Баручь и в прочая грады, наоропившие же врази не вспевше ни в что же положи; уедава же Ярополк в Переяслави, врагишася на Посулье воевать, Ярополк же князь укрепився и иде на них, с Божьею помощю, не жда от брата помощи, ни от другаго, толко с Переяславци постиже я”. Здесь также говорится, что половцы были разбиты [Ипатьевская... 1871, 208]. В Радзивилловской и Воскресенской летописях данные события описаны более сжато и по содержанию близки к версии Лаврентьевской летописи [Радзивилловская... 1989, 95; Воскресенская 1856, 26].

Весьма характерно, что после 1125 г. торки перестали упоминаться древнерусскими летописями как жители Переяславской земли. Однако это не может означать, что они ушли из Левобережья. Вместо этого этнонима летописцами стали упоминаться племенные названия тюркского происхождения, что вполне соотносимо с пребыванием торков. Так, под 1150 г. летописи упомянули племя *турпей* при описании междоусобной борьбы, которая имела место в Южной Руси: “Изяславу же седшу в Кыеве и освоившю Киев, посла сына своего Мстислава в Канев, веля ему отоле Переяслава добыти. Мстислав же послася на ону сторону к Турпеям и к дружине, веля им ехати к собе. Ростислав же то слышав посла к отцю в Городок, прося оу него помочи. Гюрги же посла ему в помочь брата Андрея. Ростислав же брата остави в Переяслави, а сам гна к Сакову и згони Турпеев оу Днепра и поймав и приведе Переяславлю...” [Лаврентьевская... 1926–1928, 225]. О турпях под 1150 г. упоминают также Ипатьевская [Ипатьевская... 1908, 275], Воскресенская [Воскресенская... 1856, 48], Радзивилловская [Радзивилловская... 1989, 119] и некоторые другие летописи. В свое время Д.А. Расовский считал турпеев печенежским племенем [Расовский 2002, 136–137], а П.П. Толочко склонен видеть в них торческое племя [Толочко 1999, 93]. Со своей стороны,

Н.А. Баскаков происхождение этнонима *Турпей* представлял следующим образом: “...название огузского племени древних огузов (узов) – черных клобуков русских летописей. Кроме указанной выше этимологии, сближающей этноним *турпей* с племенным названием *türk*, а именно *türpej* < *tür(k) peji* ‘племя тюрков’ (см. с. 60), существуют и другие этимологии, например: 1) < *turpej* < *turpy* ~ *turby* ‘последователь, помощник’... > *турпей* > имя собственное > название племени... 2) < *turpej* < *turpaju* ‘грубый’... > имя собственное > этноним; 3) < *turpej* < *turpazy* ~ *turpaju* < *turpaq* ‘родственный и все близкие люди’... т.е. основа, по-видимому, общая с *törk* ~ *türk*...” [Баскаков 1985, 66].

С.А. Плетнева считала турпеев небольшим этносом, входившим в черноклобуцкий союз и проживавшим на “переяславско-черниговском пограничье” [Плетнева 1990, 78, 81]. С ней был совершенно не согласен О. Гундогдыев, который относил турпеев к числу “крупных родов огузов, которые пытались выделиться в самостоятельные административные единицы” [Гундогдыев 1998, 116]. Аналогичного мнения придерживается также А.Л. Никитин, считающий, что “под «Турпеями» следует понимать никакой не этнос, а род, некоего Турпея” [Никитин 2001, 491].

Древнерусские летописи упоминают и другую тюркоязычную группу Левобережья. Так, только в Ипатьевской летописи лишь один раз, под 1160 г., упомянуты каепичи: “Володимир полкы вси приведе к С[вя]тославу. С[вя]тослав же ста изрядив полкы, все жда Изяслава. Тако бо творяшеть, яко поиде к нему на свою мысль на нуже есть пошел. А молодь перебрав с Берендичи и с Каепичи пусти на Половци ити с Божию помощю...” [Ипатьевская... 1908, 349]. Относительно происхождения каепичей и их названия среди ученых существуют различные мнения. Так, С.А. Плетнева считала каепичей, как и турпеев, небольшим этносом в составе черноклобуцкого союза, проживавшим на Левобережье [Плетнева 1990, 78, 81]. П.П. Толочко считал каепичей одним из торских племен Левобережья [Толочко 1999, 93]. Весьма неожиданным выглядит комментарий этого сообщения Ипатьевской летописи со стороны А.Л. Никитина, который считает название “каепичи”

обычной опиской и объясняет пассаж следующим образом: “Между тем здесь выступают потомки какого-то Аепы, двое из которых, как известно, в 6615/1107 г. заключили мир с русскими князьями и способствовали двум тогда же заключенным бракам половецких принцесс – с Юрием Владимировичем, сыном Владимира Мономаха, и со Святославом Ольговичем, сыном Олега Святославича” [Никитин 2001, 492]. Поэтому А.Л. Никитин совершенно не согласен с мнением Н.А. Баскакова, который происхождение этнонима *каепичи* объяснил, кажется, довольно-таки убедительно: «Каепичи – название огузского племени древних озов – Черных Клобуков русских летописей. Структура этого этнонима ясна, она состоит из названия тюркского племени *qai* или собственно мужского имени + *apa* ‘почтительное обращение к старшему в роде’ (ср. *apa/aba/awa* ‘отец, мать’ или *oba* ‘род, родовое подразделение, большая семья’» [Баскаков 1985, 65]. Такого же мнения о происхождении этнонима *каепичи* придерживался также К.Г. Менгес [Менгес 1979, 61, прим. 1]. Весьма примечательно, что аналогичным образом О.И. Прицак объяснил происхождение таких половецких этнонимов, как *Урусобичи* – *Урус-оба*, *Токсобичи* – *Токс-оба* и т. п. [Прицак 2006, 33, 182–184].

Кроме того, О. Гундогдыев, который поддерживает этимологию Н.А. Баскакова, не сомневается в том, что *каепичи* древнерусских летописей имеют непосредственное отношение к известному огузскому племени *кайы* [Гундогдыев 1998, 116]. Кажется, нет оснований для сомнений по этому поводу, ибо такое этническое название неоднократно было отмечено в генеалогиях огузских племен. Так, еще в сельджукский период, в XI в., Махмуд Кашгарский сообщал, что “огуз – одно из тюркских племен (кабиле), они же туркмены”. При этом он указал, что “они состоят из 22 родов (батн)”. Арабоязычный автор подал перечень этих родов, где на втором месте и было уже зафиксировано это родо-племенное название: “Первый и основной (род) их – Канык. Из этого рода султаны в наше время... Второй (род) – Кайыг...” [Материалы по истории туркмен... 1939, 309]. Кроме того, в XIII в. Рашид ад-дин отметил, что огузы представляли собой группу уже из 24 племен, а не родов. При этом огузские племена дели-

лись на правое и левое крыло. По словам персидского историка, у родоначальника всех огузов Огуз-хана было шесть сыновей, у каждого из которых было по четыре сына. Таким образом, эти внуки Огуз-хана и дали начало 24 племенам. В списке огузских племен персидского историка интересное нас название фигурирует как обозначение для самого главного огузского племени и стоит уже на первом месте: “Племена Бозук, принадлежащие к правому крылу войска, дети трех старших сыновей, от каждого по четыре сына, [а всего] двенадцать душ; четверо детей Кун-хана, который был старшее всех сыновей, [следующие]: первый – Кайи, т.е. крепкий...” [Рашид ад-дин 1952, 87–90].

Однако наибольшие споры среди исследователей вызывает упоминание летописей под 1185 г. о “Коуях Черниговских”. Они фигурируют в рассказе о походе новгород-северского князя Игоря 1185 г. в качестве помощи со стороны Черниговского княжества, т.е. они состояли на службе у Ярослава Всеволодовича и своим бегством с поля боя предопределили поражение войска Игоря и захват его в плен половцами. Ипатьевская летопись, например, упоминает их название в таком контексте: “Игорь вноук Олгов поеха из Новагорода мсца априла в к.г. днь во вторник поймаи со собою брата Всеволода ис Труубчека, и Святослава Олговича сновца своего из Рылска, и Володимера сына своего ис Поутивля, и оу Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова вноука с Кооуи Черниговскими...” [Ипатьевская... 1908, 437]. Относительно происхождения “Коуев Черниговских” среди исследователей существуют различные мнения.

Так, Д.А. Расовский считал “Ковуев Черниговских” частью черных клобуков [Расовский 1933; Расовский 2002, 136–137], П.П. Толочко – частью торков [Толочко 1999, 94], А.А. Росляков усматривал в “коуях” огузов-кайы [Росляков 1956, 14]. А.И. Попов соотносил “коуев” с частью огузов, но он не считал их племенной группой, а видел в них особый отряд, который шел в погоню за врагом (от тюрк. *ковмак* – “гнать”) [Попов 1973, 124].

Исследователи уже давно обратили внимание, что коуи упоминаются в древнерусских летописях не только под 1185 г., но и под 1151, 1162, 1170 гг. На основании

этого С.А. Плетнева сделала следующий вывод: «Коуи – четвертое по величине (и значимости) этническое соединение, входившее в союз черных клобуков. Местоположение их веж и пастбищ в 50–70-е годы XII в. устанавливается только косвенно. Дело в том, что они постоянно выступают вместе с торками, берендеями и печенегами в составе черных клобуков. Поскольку этот союз образовался и локализовался на территории Поросья, то логично предположить, что коуи жили там же, где и остальные этнические группировки этого союза. Однако под 1185 г. летописец неоднократно упоминает особую группу этого этноса, названную им “коуи черниговские”. Следовательно, помимо Поросья, коуи раскинули в то десятилетие свои вежи и пастбища и в Черниговском княжестве: на его границах и, возможно, даже частично в окрестностях самого Чернигова – по широкой деснянской пойме» [Плетнева 1990, 81].

Говоря о тюркском происхождении “коуев”, исследователи обычно ссылаются на выводы К.Г. Менгеса и Н.А. Баскакова. К.Г. Менгес, в частности, отметил: “Это имя может быть тождественно с названием шорского племени *Qobuı*... или может представлять собою форму *qoqu* (Кашг.), *qouç*, *qu* (Радлов) ‘лебедь’, которая должна быть в северо-зап. **qouç*, **quvı* с типичным изменением *g/g > v* и с принятым в русской среде окончанием существительного с основой на *-jo*. По имени можно догадываться, что лебедь был тотемным животным этого племени...” [Менгес 1979, 61–63, прим. 2]. Н.А. Баскаков далее развил гипотезу К.Г. Менгеса и представил происхождение этнонима следующим образом: «Ковуй – название племени черных клобуков. <...> Наиболее вероятной и, по существу, единственной этимологией этого названия является сближение этого названия с названием птицы и связанным с этой птицей цветовым оттенком, а именно... ‘племя, имеющее своим тотемом лебедя’, ‘племя лебединцев’, ‘бледный, серый, голубой, сивый, светло-желтый, буланый’» [Баскаков 1985, 65].

Не так давно, на основании известий Ипатьевской летописи о “коуях” как левобережных, так и правобережных, А.Л. Никитин пришел к совершенно неожиданным выводам: “Количество этих примеров я полагаю достаточным, чтобы раз и навсегда

отказаться от «племени коуев», признав в таком написании ошибочное соединение предлога «ко» с формой множественного числа существительного «уй/оуй» – «оуи», т.е. ‘братья матери’, а более широко – ‘мужчины рода матери’... Именно так сейчас может быть представлена история «народа коуев», вызванная в конце XIV или в начале XV в. ошибочным прочтением слитного написания лексемы «ко оуям» и породившая столько недоумений, догадок и прямых фантазий со стороны историков, археологов и даже филологов” [Никитин 2001, 487–491]. Однако в данной ситуации смущает то, что “коуи” всегда упоминаются в составе черноклобуцких племен как Левобережья, так и Правобережья. Кроме того, сам А.Л. Никитин отметил, что термин “коуи” в Ипатьевской летописи упомянут девять раз [Никитин 2001, 487]. Но не мог же переписчик летописи ошибиться аж девять раз подряд?!

Таким образом, в “коуях черниговских” можно видеть осколок одного из огузских племен, а не палеографическую ошибку. Исходя из того, что на Левобережье “коуи черниговские” упомянуты через несколько десятилетий после “каепичей”, у нас есть основания считать, что они представляли собой одну и ту же родо-племенную группу, связанную своим происхождением с сельджукским племенем *каи*. Симптоматично, что последнее упоминание об огузах-торках на Левобережье относится лишь к 1185 г. На основании этого нельзя точно сказать, были ли к началу XIII в. левобережные торки ассимилированы культурно и этнически славянами, или они к приходу монголов могли сохранять определенную самобытность. Казалось бы, что на эти вопросы может дать ответ археология. Однако археологическая атрибуция переяславских торков до сих пор остается открытой. Причина этого в неразрешенности вопроса, касающегося локализации торков на Переяславской земле.

Вопросами локализации торков на землях Переяславского княжества заинтересовался еще в XIX в. П. Голубовский. В своей монографии “Печенеги, торки, половцы...” он, в частности, отметил: “...Еще в 1055 г. мы видим поселения их около Воиня. Затем в 1080 г. летопись говорит: «заратишая Торци Переяславистии на Русь». Очевидно по самому известию, что они были уже в

известном подчинении у русских князей и кочевали где-то около Переяслава. Под этими торками переяславскими разумелись те, которые жили около Воиня, а также занимавшие местность около Баруча, как это мы сейчас видим. Кочевья этих союзников Руси занимали на юге Переяславской области пространство между Воинем и Зарубом, ибо под 1105 г. мы находим в нашем источнике сообщение: «пришед Боняк зиме на Зарубе и победи Торки и Берендеи». Можно предположить, что поселения их простирались и далее на юг, до р. Супоя, Сулы. Тогда укрепления Песочное, Горомишин, Буромлю, Желни нужно рассматривать как передовые, служившие для наблюдения над степью и удержания в повиновении этих Торков, не особенно надежных для Руси» [Голубовский, 134].

Со временем проблема локализации торков на Переяславской земле вызвала такой большой интерес у исследователей, что на эту тему уже более ста лет назад даже появились специальные работы. Так, в самом конце XIX в. А.В. Стороженко дважды опубликовал специальный очерк «Где жили Переяславские Торки?». В этой работе исследователь склонен был локализовать торков на том месте, где сейчас находятся поселения *Большая и Малая Каратуль*, а также протекает речка *Каратулька* (рис. 6). Основанием для этого стало само название *Каратуль*, или *Кара-Тули*, которое исследователь перевел с тюркских языков не иначе как «черные шапки», т.е. эквивалент названию правобережных племен тюркского происхождения – «черные клобуки». Кроме того, А.В. Стороженко на основе сопоставительного анализа данных Ипатьевской и Лаврентьевской летописей пришел к следующим выводам: «Для вопроса собственно о торских поселениях из обеих редакций можно сделать тот вывод, что Торки жили в Баруче, в Бронь-княже и еще в некоторых других городках и что все эти городки были невдалеке от Переяслава...» Весьма примечательно, что исследователь предлагал выводиться название торческого центра *Баруч* из тюркского *Барыч* – «торг, базар» и связывал с этим наименованием происхождение современного населенного пункта возле Переяслава – *Барышевка*. Кроме того, А.В. Стороженко одним из археологических подтверждений пребывания торков вблизи от Переяслава

считал огромные валы, которые простирались к северо-востоку от Переяслава [Стороженко 1899; Стороженко 1900, 33–43].

Однако аргументы А.В. Стороженко оказались неубедительными для В.Г. Ляскоронского, который подверг их критике в специальной своей публикации «К вопросу о переяславских торках». Так, В.Г. Ляскоронский не верит утверждению А.В. Стороженко, что торки жили возле самого Переяслава, ибо границы княжества, которые должны были защищать именно торки, в XI–XII вв. проходили на значительном расстоянии от Переяслава [Ляскоронский 1905, 5]. Относительно же гипотезы о тюркском происхождении названий *Великая* и *Малая Каратуль* В.Г. Ляскоронский заметил: «Конечно, мы не станем отрицать, что торки и другие соплеменные им кочевники могли обитать близ г. Переяслава, но считать их местожительство исключительно в этих одних и при этом весьма близких к Переяславлю местах – вряд ли основательно» [Ляскоронский 1905, 7]. Сомневался В.Г. Ляскоронский и в отождествлении современной Барышевки с Баручем. Что же касается валов вблизи Переяслава, на которые обратил внимание А.В. Стороженко, то В.Г. Ляскоронский считал, что они могли быть насыпаны очень давно, ибо «ни городища, ни переяславские валы не были научно исследованы, раскопок на них не производилось» [Ляскоронский 1905, 10]. В качестве альтернативы В.Г. Ляскоронский предложил свою гипотезу, касающуюся локализации торков на землях Переяславского княжества.

В.Г. Ляскоронский считал, что поселения торков должны были находиться на пути движения кочевников-половцев на Переяславскую землю. При этом он выделил два маршрута – северо-восточный и юго-западный (рис. 6). По словам исследователя, первый путь «пролегал по тому водоразделу, который находился между Десной и Сеймом, с одной стороны, и левыми притоками среднего течения р. Днепра – с другой». Не может вызывать возражений мнение В.Г. Ляскоронского, что именно в этом районе переяславские князья должны были поселить выходцев из степей – беловежцев, хазар и торков. По наблюдениям исследователя, в пользу этого могут свидетельствовать сохранившиеся до наших дней названия населенных пунктов возле

верховий р. Остер – *Белая Вежа, Казары и Туркенева*. Что же касается второго маршрута пути кочевников, то В.Г. Ляскоронский определил его следующим образом: "... он проходил по тому возвышенному равнинному плато, которое простирается между реками Трубежом и Сулой, с одной стороны, а затем между нижним течением Сулы, Ворсклы и Орели, с другой" [Ляскоронский 1905, 20]. В этом районе находится Воинское городище, название которого исследователь связал с летописным Воинем. В нем-то, по мнению В.Г. Ляскоронского, и должны были находиться торки [Ляскоронский 1905, 26].

Несмотря на то что В.Г. Ляскоронский пытался подвергнуть критике взгляды А.В. Стороженко, наблюдения обоих ученых о возможной локализации торков на Левобережье оказались убедительными и полезными для последующих поколений исследователей. Так, в 30-е гг. XX в. Д.А. Расовский в своей известной работе "Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии" также уделил немало внимания левобережным торкам. Исследователь отметил, что "в самом Переяславле они упоминаются в 1095 г., когда здесь княжил Владимир Мономах". Хотя при этом Д.А. Расовский допускал, что "в данном случае эти торки могли быть в числе дружины Владимира, а не переяславскими поселенцами". Ученый поддержал мнение предшествовавших исследователей, согласно которому свидетельством пребывания "черных клобуков" на Левобережье могут являться названия двух современных поселений *Малая и Великая Каратуйль* (рис. 6). Д.А. Расовский поддерживал также мнение В.Г. Ляскоронского, согласно которому поселения торков были сосредоточены "между Воинем и Зарубом, по низовьям Сулы, Супоя и Трубежа, т.е. на том участке, который был наиболее опасным, из-за того что половцы сюда сосредоточили свои нападения во второй половине XI в.". Кроме того, Д.А. Расовский склонен был доверять предположению В.Г. Ляскоронского, что торки также были поселены в другом уязвимом месте переяславского пограничья – в верховьях рек Ромен, Остер и Удай. "Здесь же, по-видимому, – считал исследователь, – надо искать и город Баруч, в который князь Ярополк в 1125 г. укрыл торков при приближении половцев". Отметил Д.А. Расовский также поселения черных

клобуков и на Черниговской земле, о чем, по его мнению, могут свидетельствовать сообщения древнерусских летописей под 1185 г. о "ковуях черниговских" [Расовский 1933; Расовский 2002, 136–137].

В сложившейся ситуации также нельзя обойти вниманием монографию Н.Н. Коринного "Переяславская земля. X – первая половина XIII века", где исследователь, в частности, отметил: «Торки и берендеи, вытесняемые из Приазовских и Донецких степей половцами, во второй половине XI в. концентрировались на Левобережье главным образом в междуречье Сулы – Орели ("Украине"), постепенно инфильтруясь на Правобережье, в Поросье и более северные районы Переяславского, Киевского и Черниговского княжеств, где создавались из их поселений своеобразные заслоны, препятствующие половецким набегам» [Коринный 1991, 122]. Н.Н. Коринный, как и его предшественники, считает, что торки расселялись как в самых уязвимых местах Переяславского княжества (в низовьях Сулы, Супоя, Трубежа и в верховьях Ромна, Остра и Удая), а также в районе самого Переяслава, где на юг от столицы княжества у внутреннего (Большого) вала расположены поселения *Малая и Великая Каратуйль*, а также на запад от Переяслава – д. *Карань* (рис. 6). Что же касается археологического подтверждения пребывания торков на Переяславской земле, то Н.Н. Коринный считает, что "близ г. Лохвицы и с. Берберинцы на Полтавщине выявлены и исследованы древнерусские городища XII в., населенные в свое время торками, несшими пограничную службу на одном из узловых участков Посульи" [Коринный 1991, 122].

Исследованиями данных городищ занимался Ю.Ю. Моргунов [Моргунов 1986], который отметил, что "археологически Посульская волость хорошо выделяется географически, а также высокой концентрацией укреплений, но даже на этом фоне скопление городищ вокруг летописного города Лохвицы (рис. 7) до сих пор оставалось необъяснимым" [Моргунов 1988, 194]. Однако проведенные изыскания позволили исследователю прийти к выводу, что это "объясняется стратегической необходимостью при наличии здесь двух значительных участков незаболоченной поймы, которая легко может быть форсирована легкой по-

ловецкой конницей”. Ю.Ю. Моргунов считает, что в XI–XII вв. в данном районе для обороны от половцев были построены укрепления в Бербеницах и Высоких Лазирках для “степных конфедератов” – переяславских торков (рис. 8). О присутствии выходцев из степи в отмеченных поселениях может свидетельствовать то, что в одном из жилищ на городище Высокие Лазирки был найден кочевнический котел (рис. 9). Это была небольшая медная емкость с железными ушками, которая была выкована из одного медного листа толщиной 1,5–2 мм и имела отогнутый наружу венчик. Высота сосуда 12 см, внешний диаметр венчика – 19,5 см, диаметр дна – 18,5 см. Ушки котла имеют округлое сечение диаметром 1 см, а сами основания ушек приклепаны к тулову заклепками. По наблюдениям Ю.Ю. Моргунова, “подобные котлы встречаются в кочевнических погребениях XII – первой половины XIII в., география распространения этих сосудов показывает, что центры их производства находились на половецкой территории” [Моргунов 1988, 194–206].

Однако особого внимания заслуживает статья Ю.Ю. Моргунова “Еще раз о «переяславских торках»”, опубликованная в 2000 г. В ней он высказал предположение, что летописный *Баруч* “следует искать в северных пределах Переяславской земли, в треугольнике между Остерским Городцом, Серебряным и Полкостенем, но значительно ближе к Остерскому Городцу и Нежатику”. В данном районе исследователь особо выделил два городища возле сел Новый Быков и Петровка. Относительно них Ю.Ю. Моргунов высказал предположение: “Оба городища соответствуют местоположению Баруча и Бронь Князя по летописным источникам и расположены достаточно компактно, чтобы стать совместным убежищем на случай спасения торков. В то же время они достаточно обособлены от основных массивов русского населения с иным способом ведения хозяйства”. Данный район в верховьях Супоя Ю.Ю. Моргунов считал лишь одним из мест расселения торков (рис. 10). К тому же распространенная здесь “лугово-солончаковая растительность несколько не мешала полукочевому коневодству и только способствовала овцеводству” [Моргунов 2000, 27–28]. В бассейне Супоя Ю.Ю. Моргунов выделил целый ряд городищ, отличающихся конструкци-

ми с “типичными для степных градостроителей традициями”. Кроме того, здесь же, возле городища Ташань, был зафиксирован большой курганный могильник. Там же “на месте ныне уничтоженного городища летописного г. Желни найдена костяная пластина с чешуйчатым узором, характерным для носителей аскизской культуры Южной Сибири”. Отдельные находки кочевнического типа были также обнаружены возле Воиня. На основании этих данных Ю.Ю. Моргунов сделал вывод: “Таким образом, весь регион засоленных и остепненных лугов, содержащий торческие древности, с севера ограничен течением Остра, а на юге он опирается в течение Днепра. Его западной границей является течение Трубежа, а восточной – поречье Удая и низовья Сулы. Следовательно, в меридиальном направлении регион насчитывал 180 км, а в поперечнике достигал 80 км” (рис. 10) [Моргунов 2000, 30–31].

Кроме супойского района, Ю.Ю. Моргунов выделил еще два, где, по его мнению, проживали торки. Так, второй район находился в “междуречье Нижнего Удая и Слепорода” (рис. 10). Там были найдены кочевнические захоронения возле сел Подолье, Медвежье, а также возле г. Лубны и т.п. [Моргунов 2000, 33]. Третий район, как уже отмечалось, “примыкает к Суле между впадением в нее Слепорода и Оржицы; он имеет в плане форму прямоугольника длиной 50 км”. Это место распространения круглых в плане городищ. На месте нахождения летописных городов Лукомль и Слепород были, например, обнаружены железные псалии, которые находят аналогии в деталях конской упряжи “черновского перида аскизской культуры Южной Сибири середины XII – XIII вв.”. Как уже отмечалось, здесь находились городища Бербеницы и Высокие Лазирки [Моргунов 2000, 33–34]. На основании этих данных Ю.Ю. Моргунов сделал вывод: “Вероятно, с накоплением археологических материалов количество подобных кочевнических районов значительно возрастет, поскольку в условиях степного пограничья оседлое древнерусское государство испытывало особую нужду в выдвинутых в степи сторожевых разъездах и формировании соединений легкой конницы для кавалерийского авангарда или отбивания половецкого полона. Помочь в этом важном

деле могли только торки, аналогичные половцам по вооружению и тактике ведения конного боя, но для этого конфедератам была нужна уверенность в безопасности их вез с женами и детьми на островках защищаемой ими же русской территории” [Моргунов 2000, 34].

Немало внимания переяславо-черниговским торкам и вопросам их археологической атрибуции уделил в своей книге “Кочевые народы степей и Киевская Русь” академик П.П. Толочко. По мнению ученого, переяславские торки проживали на левобережье Трубежа, что подтверждается данными гидро- и топонимии – речка *Корань* (*Карань*), села *Большая Каратуть* и *Малая Каратуть* (рис. 6). Что же касается локализации летописного города *Баруч*, населенного торками, то П.П. Толочко сомневается в том, что это может быть городище возле современного поселка *Барышевка*, потому что здесь “не очень привычная для степняков болотистая местность”. “Возможно, – отмечает далее исследователь, – его следует искать в районе современного поселка Срибнэ Черниговской области – на речке Лысогир, притоке Удая. Основанием для этого служит тот факт, что они вместе упомянуты в летописи” [Толочко 1999, 92–93]. П.П. Толочко обратил также внимание, что летопись под 1150 г. упоминает на переяславской земле торческое племя “турпеев”, которые проживали в городе “Сакове”. По этому поводу исследователь отметил: “Есть достаточно оснований локализовать местообитание турпеев верхнем реке Альты (район современных сел Сальков и Старое), на полпути от Киева до Переяслава. В обоих селах находятся круглые городища древнерусского времени. Одно из них возможно отождествить с летописным Саковым” [Толочко 1999, 92–93]. П.П. Толочко отметил также, что под 1160 г. летопись упоминает еще одно торческое племя – “каепичи”. “Из краткого летописного известия, – отмечает далее исследователь, – нельзя заключить, где же обитали каепичи. Участие их в битве с половцами где-то в районе Десны как будто позволяет видеть в них жителей Черниговской земли, однако не исключено, что они пришли сюда и с правого берега Днепра” [Толочко 1999, 92–93]. Обратил внимание П.П. Толочко и на то, что в 1185 г.

в войске Игоря Святославича во время похода на половцев находились и “коуи черниговские”, которых также относят к числу торческих племен. Относительно локализации последних ученый отметил: “Какую конкретно местность занимали коуи на Черниговщине, сказать трудно. Не исключено, что они были расселены черниговскими князьями где-то в верховьях Сулы с целью охраны юго-восточных рубежей Черниговской земли. По-видимому, они были основными насельниками таких городков, как Уненеж, Бохмач, Белая Вежа” [Толочко 1999, 94].

К сожалению, на землях, входивших несколько столетий назад в состав Переяславского и Черниговского княжеств, так и не исследованы могильники, которые можно успешно соотнести с пребыванием здесь огузов-торков в XI–XII вв. Это можно объяснить сложностью процессов, которые происходили на пограничных со степью территориях Левобережной Руси накануне и во время противостояния половцам. Кажется, что успех выявления торческих захоронений на Переяславской и Черниговской землях, прежде всего, будет зависеть от результатов сравнительного анализа с материалами из огузо-торческих захоронений кочевнических могильников не только в Поросье, Приазовье, Подонье и Заволжье, но и в местах прежнего обитания турок-сельджуков – в Малой Азии, на Южном Кавказе, а также в Средней Азии.

Таким образом, история огузских племен, известных в древнерусских летописях под именем “торки”, до сих пор остается объектом острых научных дискуссий. Это касается в первую очередь вопросов их расселения на землях Северного Причерноморья в предмонгольский период; обстоятельств первого появления и исчезновения их со страниц истории; особенностей их материальной культуры, прежде всего основных черт погребального обряда; интеграции торков в социально-политические структуры Половецкой степи и Руси и т.п. Наименее изученными на сегодня так и остаются огузы-торки степной и лесостепной частей Левобережной Украины. Кажется, давно уже назрела необходимость для исследователей сосредоточить свое внимание на изучении племен черных клобуков не только Правобережной, но и Левобережной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А. **Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”**. Москва, 1985.
- Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Гундогдыев О. **Прошлое туркмен**. Москва, 1998.
- Иванов В. Етнокультурна карта Євразійського степу за часів Ахмеда Ібн Фадлана // **Східний світ**, 1995 (№ 2)–1996 (№ 1).
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1871.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1908.
- Ковалевский А.П. **Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.** Харьков, 1956.
- Константин Багрянородный. **Об управлении империей** / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Кудряшов К.В. **Половецкая степь**. Москва, 1948.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Ленинград, 1926–1928.
- Ляскоронский В.Г. **К вопросу о переяславских торках**. Санкт-Петербург, 1905.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении**. Т. I. Москва – Ленинград, 1939.
- Менгенс К.Г. **Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”**. Ленинград, 1979.
- Моргунов Ю.Ю. **Круглые городища Левобережья Днепра // Советская археология (СА)**, 1986, № 2.
- Моргунов Ю.Ю. **Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА**, 1988, № 2.
- Моргунов Ю.Ю. **Еще раз о “переяславских торках” // Российская археология**, 2000, № 1.
- Никитин А.Л. **Основания русской истории**. Москва, 2001.
- Новосельцев А.П. **Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа**. Москва, 1990.
- Повесть временных лет** / Под ред. Д.С. Лихачева. Ч. I. Москва – Ленинград, 1950.
- Повість врем'яних літ**. Літопис (за Іпатським списком). Київ, 1990.
- Плетнева С.А. **Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)**. № 62. Москва, 1958.
- Плетнева С.А. **Древности Черных Клобуков**. Москва, 1973.
- Плетнева С.А. **Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР)**. Москва, 1981.
- Плетнева С.А. **Половцы**. Москва, 1990.
- Плетнева С.А. **Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфические исследования**. Воронеж, 2006.
- Попов А.И. **Названия народов СССР**. Ленинград, 1973.
- Прицак О. **Деремела=Бродники // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics**, 1965, IX.
- Прицак О. **Коли і ким було написано “Слово о полку Ігоревім”**. Київ, 2008.
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Ленинград, 1989.
- Расовский Д.А. **Печенеги, торки и береди на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovia**. Т. 6. Praga, 1933.
- Расовский Д.А. **Печенеги, торки и береди на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры**. Т. II (Киевская и Московская Русь). Москва, 2002.
- Рашид-ад-дин. **Сборник летописей**. Т. I. Кн. I. Москва – Ленинград, 1952.
- Ромашов С.А. **Где находилась Черная Болгария? // Восточная Европа в древности и средневековье**. Спорные проблемы. Москва, 1993.
- Росляков А.А. **Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России)**. Ашхабад, 1956.
- Стороженко А.В. **Где жили Переяславские Торки?** Киев, 1899.
- Стороженко А.В. **Очерки Переяславской старины**. Киев, 1900.
- Толочко П. **Кочевые народы степей и Киевская Русь**. Киев, 1999.
- Шрамко Б.А. **Древности Северского Донца**. Харьков, 1962.

Рис. 1. Археологические свидетельства пребывания огузов в бассейне Северного Донца в первой половине X в. (по данным В.А. Иванова)

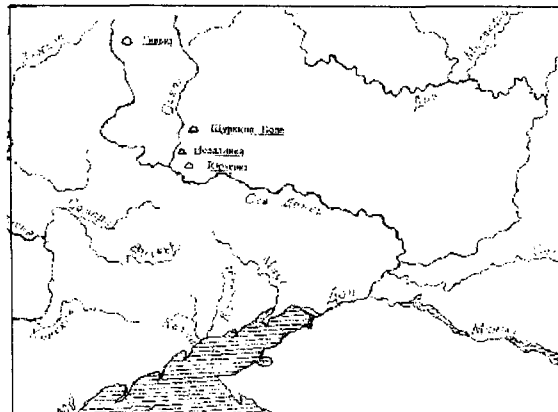

Рис. 2. Погребальный обряд торков-огузов степей Восточной Европы в XI в. (по данным С.А. Плетневой)

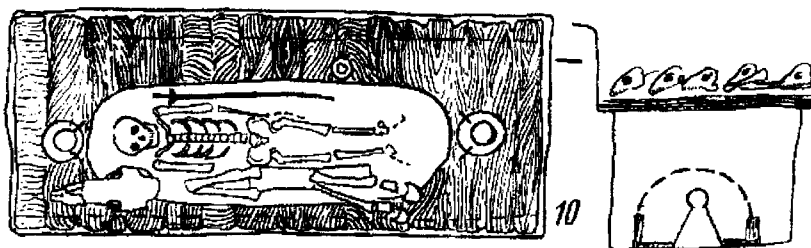

Рис. 3. Основные типы черноклобуцких погребений на Днепровском Правобережье (по данным С.А. Плетневой)

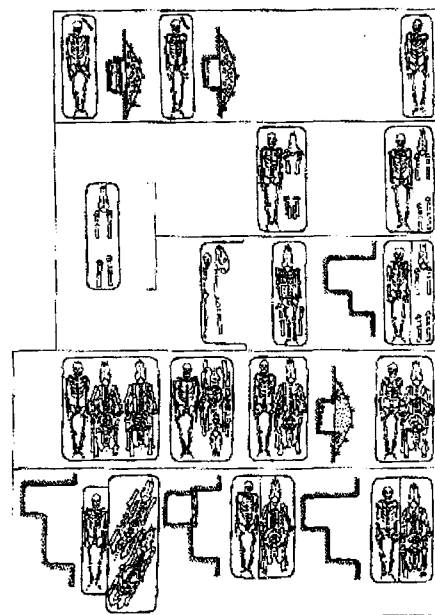

Рис. 4. Огузское погребение, обнаруженное возле хут. Марченки Донецкой обл. (по данным В.А. Городцова)

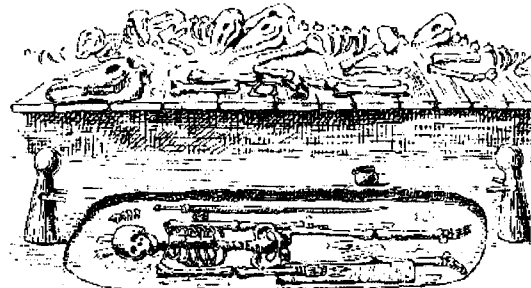

Рис. 5. Данные археологии, топонимии и гидронимии о расселении торков в среднем течении Северного Донца

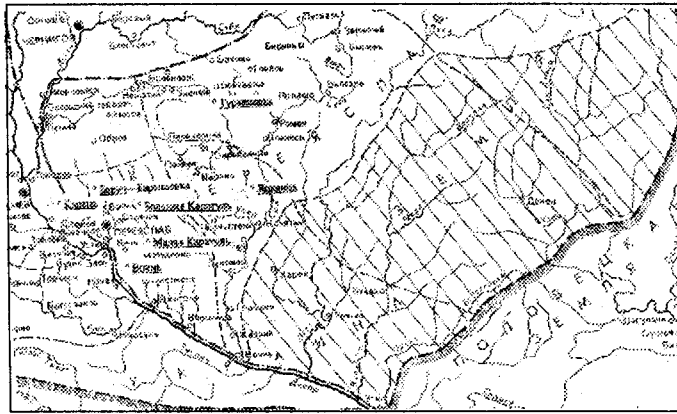

Рис. 6. Места расселения торков на землях Переяславского княжества по данным древнерусских летописей и топонимии

Рис. 7. Археологические памятники XI–XII вв. в бассейне Сулы и элементы средневекового ландшафта (по данным Ю.Ю. Моргунова): а – летописные города; б – городища; в – древние леса; г – заболоченные участки поймы; д – массив слабозасоленных почв; е – древняя дорога (по Боплану); 1 – Свиридовка; 2 – Бербеницы; 3 – Безсалы; 4 – Лохвица (Высокие Лазирики); 5 – Гаевщина; 6 – Бодаква (Козача Гора); 7 – Бодаква (Панское); 8 – Сенча (Никольская Горка); 9 – Сенча (Сампсониев Остров)

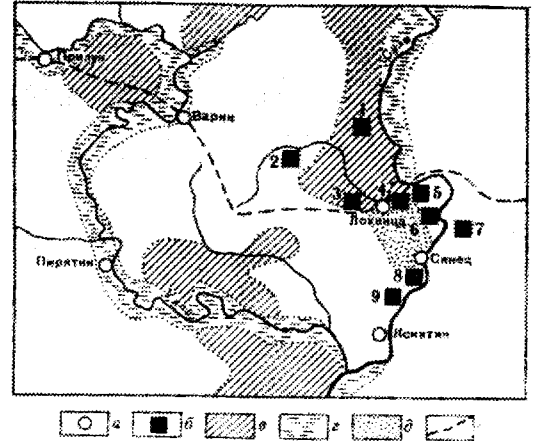

Рис. 8. План городища Лохвица – Высокие Лазирики (по данным Ю.Ю. Моргунова)

Рис. 9. Кочевнический котел из городища Высокие Лазирики (по данным Ю.Ю. Моргунова)

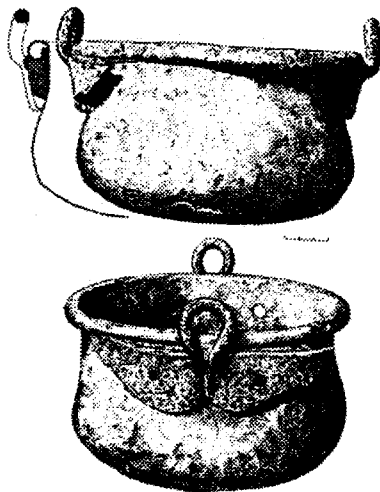

Рис. 10. Вероятные ареалы расселения торков на землях Переяславского и Черниговского княжеств (по данным Ю.Ю. Моргунова)

